

ЧТО ТАКОЕ ХОРОШО: К ИСТОРИИ ОЦЕНОЧНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ РАННЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

К. П. Костомарова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
Поступила в редакцию 10.12.2024 г.
Принята к публикации 15.04.2025 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-11

Рассмотрена семантическая эволюция оценочных прилагательных «хороший» и «плохой» в раннесоветском языке. На материале партийных документов, агитационных лозунгов, писем во власть и литературных текстов 1920–1930-х годов показано, как слова «хороший» и «плохой» превращаются в универсальные маркеры, отражающие соответствие новым общественным и политическим стандартам. В первом разделе проанализирована роль прилагательного «хороший» как универсального риторического инструмента, используемого для создания оптимистического образа социалистической реальности. Это слово постепенно утрачивает субъективную оценочную окраску, превращаясь в стандартный идеологический штамп, символизирующий позитивность и соответствие социалистическим нормам. Во втором разделе рассмотрено переосмысление понятия «хороший человек» и возникновение оппозиции между «хорошим человеком» и «хорошим коммунистом», где первый выступает носителем личных добродетелей, а второй – воплощением социалистических идеалов. Понятие «настоящий человек» рассматривается как компромисс между этими категориями. Третий раздел посвящен метафорическим концептам прочности, стойкости и надежности, которые приобретают статус центральных для описания советского человека и социальных структур. Эти характеристики, формирующиеся на основе технических метафор, отражают индустриальный и коллективистский дух эпохи. Используемая методология подразумевает дискурсивный анализ и сопоставление семантического наполнения понятий «хороший», «плохой», «настоящий», позволяющее выявить, как язык, формируя нормативные представления, становится активным инструментом идеологического воздействия, закрепляя социалистические ценности через семантические трансформации повседневной лексики.

Ключевые слова: советская лексика, семантическая эволюция, идеология, хороший, плохой, дискурсивные изменения, раннесоветская эпоха, языковая политика

1. Введение

Наиболее яркие черты советского языка — аббревиатуры, новояз и риторика лозунга. Именно им обычно уделяется внимание в работах, посвященных советскому лексикону, см. хотя бы: (Мазон 1920; Карцевский 1923; Винокур 1925; Селищев 1928; Ожегов 1974, с. 20–36; Земцов 1985; Мокиенко, Никитина 1998; Гюнтер 2000; Добренко 2000б; Вайс

2007), этими же элементами представление о советском языке — стилистически разнородном, бриколажно сочетающем черты старого и нового — зачастую и ограничивается.

В настоящей статье, напротив, рассматривается история изменения тех слов, которые не были порождением нового времени и не стали в советскую эпоху маркированными «советизмами». Эта история практически не описана, хотя именно они за счет своего долгого существования в языке позволяют проиллюстрировать характерные для эпохи идеологические и дискурсивные изменения, приводящие к семантическим сдвигам в значениях слов. К таким показательным для советского языка словам относятся прилагательное *хороший* и наречие *хорошо*, а также выражающие антонимичное значение слова *плохой* и *плохо*.

Статья посвящена анализу семантической эволюции оценочных прилагательных *хороший* и *плохой* и состоит из трех содержательных частей. В первой рассматриваются особенности оптимистического дискурса, сложившегося в раннесоветском языке, во второй внимание сосредоточено на трансформации понятия *хороший человек* и его переходе к новым идеологическим категориям, таким как *хороший коммунист* и *настоящий человек*, третья посвящена метафорическим концептам прочности и стойкости, ставшим центральными для советского языка, и их связи с описанием людей и социалистических структур.

2. Оптимистический штамп

В период НЭПа оценочные лексемы *хороший* и *плохой* перемещаются с языковой и понятийной периферии в центр¹ и становятся ключевыми социалистическими понятиями². Прилагательное *хороший* и наречие *хорошо* превращаются в общий оптимистический штамп — характеристику общества и всей жизни, которая сводится к положительному, вдохновляющему опыту построения «правильного» социалистического мира: *Такую бы жизнь — Ленину, / Хорошую, / Как у нас!* [И. Уткин. 1924—1925]; *На смывах / октябрьского вала / нам жизнь / хорошую / строить дано* [В. Маяковский. 1928]³.

¹ Говоря о центре и периферии раннесоветского языка, нужно помнить о его более сложном, нелинейном устройстве. Как отмечает Ю. К. Щеглов, для 1920-х годов характерна своеобразная лоскутность узуса, «стилистическая разноголосица» в рамках которой возможно сосуществование старых и новых языковых единиц и стереотипов (Щеглов 2009, с. 21).

² Важно уточнить, что новый советский оптимизм был искусственно декларируемой эмоцией, а не естественной реакцией на изменения мира и жизни, ср. воспоминания Е. Петрова: «Вместо морали — ирония. Она помогла нам преодолеть эту послереволюционную пустоту, когда неизвестно было, что хорошо и что плохо» (Петров 2001, с. 62). В начале XX века прилагательное *хороший* встречается в самых разных типах текстов, чаще всего характеризуя при этом людей и нематериальные объекты. В модернистских и авангардных текстах начала XX века прилагательное *хороший* фиксируется сравнительно редко.

³ Здесь и далее примеры приводятся по Национальному корпусу русского языка (<https://ruscorpora.ru>) и Электронной библиотеке исторических документов

Эволюция употребления слов *хороший* и *хорошо* и изменения в их семантике, произошедшие в 1920–1930-е годы, — не результат *драмы языка* (Добренко 1999, с. 356), а скорее отражение свойственного новому строю *исторического оптимизма*⁴, который во многом определял официальную советскую риторику тех лет. Центральную идею исторического оптимизма сформулировал А. В. Луначарский: «Наша поэзия, наше искусство переходного времени, направленное вперед и преодолевающее огромные препятствия... должно быть оптимистичным. Но есть два оптимизма: оптимизм до испытаний, до страданий, до острых проблем, в некоторой степени телячий оптимизм, и оптимизм человека, который выстрадал свое право на то, чтобы сказать — несмотря на все невзгоды, нам хорошо живется» (Луначарский 1929, с. 80)⁵.

Как отмечал Г. О. Винокур, «военный коммунизм знал, [во]обще говоря, лишь одну социальную категорию в пределах своего господства: категорию “хорошего”. “Плохое”, если оно и было, то только во вражеском стане. Все общественно-государственные учреждения и отношения положительны. Но провозглашена новая экономическая политика, и категории “хорошего” и “плохого” дифференцируются уже внутри одного коллектива, а не двух враждующих между собою» (Винокур 1925, с. 59). Подобный сдвиг системы оценки от «хорошее — типично, не хорошее — не типично» к «и хорошее, и плохое — типично» требовал дополнительной аксиологической поляризации и акцента на том *хорошем* и *положительном*, что уже сейчас окружает советского человека и к чему он продолжает стремиться⁶:

— *Невозможное возможно — / Нынче век у нас хороший* [М. Светлов. 1924–1925];

— *Я / земной шар / чуть не весь / обошел, — / и жизнь / хороша, / и жить / хорошо* [В. Маяковский. 1927];

— *Под счастливой советской звездой / Хорошо и работать, и жить* [В. И. Лебедев-Кумач. 1938];

— *Наш народ заставит повернуть многие умы для блага нашей социалистической родины на хорошую, радостную, счастливую жизнь* [Письмо гражданина М. М. Шапиро];

(<https://docs.historyrussia.org/ru>) с указанием автора или источника в скобках. Если пример взят из другого источника, он сопровождается внутритекстовой ссылкой и указывается в списке источников.

⁴ См. о нем подробнее: (Гройс 1993).

⁵ Здесь также уместно вспомнить о «положительной деятельности», которая, как пишет Т. Мартин, «пронизывала собой весь Советский Союз на раннем этапе его существования и была одной из его характерных черт» (Мартин 2011, с. 32).

⁶ Описывая эту особенность эволюции оценки, Е. Добренко отмечает: «в книге об А. Корнейчуке М. Пархоменко, например, исходил из того, что все отрицательное есть “явное исключение из нашей жизни”, а отрицательные черты действительности “выступают как уродливое и становящееся исключительным, чему и противостоит... прекрасное и вместе с тем типическое”» (Добренко 2000б, с. 468).

— «Мир — хорош» [Название сборника стихотворений Дм. Семеновского. М.: Круг, 1927].

Такое оптимистически-избыточное употребление прилагательного *хороший* косвенно осложняет выражение отрицательной оценки: *плохим* должно быть только чужое, и однозначно осуждаемое, если же речь идет о *плохом* внутри *хорошего* советского мира, то такие недостаточно социалистические объекты необходимо исправить согласно идеологии положительной деятельности:

— Я писал плохие сказки. Я признаю, что мои сказки не годятся для строительства социалистического строя [К. Чуковский. Литературная газета. 1929. 30 дек.].

Стремление охарактеризовать окружающую реальность как *хорошую* логично рассматривать как результат ослабленных утопических идей первых советских лет⁷. Отказ от потенциального и ориентация на настоящее ожидаемо усиливает «позитивизм» и положительную оценку уже наступившего сегодняшнего дня⁸. Оптимизм новой эпохи отмечали и ее современники:

— Теперь время закладывать фундамент фабрики оптимизма. Руками футуристов. Тех — кто возлагают: — Алло, жизнь! — Здравствуй, жизнь! Ты трудна, но проста. В тебе нет святости, ты не нуждаешься в благословении, ты — жизнь, к стенке ставящая священников всего священного. Священен лишь оптимизм. Не буйный и хмельный. Не романтично-кудрявый. Из этого выросли. Оптимизм, который знает: Все можно сделать, ибо нет творчества, есть лишь работа, мастерство. И всего может коснуться рука работника (Левидов 1927, с. 204), ср. также название книги В. Б. Шкловского «Поиски оптимизма» (1931).

Основной эстетической положительной установкой 1920–1930-х годов становится представление о том, что «прекрасное — это наша жизнь» (Гюнтер 2000, с. 46):

— «О чем же рабкорам следует писать больше — о хорошем или о плохом? Я — за то, чтобы писали больше о хорошем. Почему? Да потому, что плохое-то не стало хуже того, каким оно всегда было, а хорошее у нас так хорошо, каким оно никогда и нигде не было» [М. Горький. Письмо рабкору Сапелову. 1929] цит. по: (Добренко 1999, с. 440)⁹;

⁷ Х. Гюнтер отмечает, что социальные революции обычно сопровождаются расцветом утопических идей, вызывающих затем инерцию антиутопизма, реализма и «правды жизни» (Гюнтер 2000, с. 46).

⁸ «Завтра» в культуре соцреализма определяется как (второе) «сегодня» (Постоутенко 2000, с. 484).

⁹ Такое оптимистически-избыточное употребление прилагательного *хороший* хорошо соотносится с предложенным Д. Вайсом принципом языкового экстремизма (Вайс 2007, с. 37), механизм действия которого описывает К. И. Чуковский, критикуя особенности канцелярского языка молодых писателей: *Если ты написал «отражают», нужно прибавить «ярко»; если «протест», то «резкий», если сатира, то «злая и острая». <...> Мудрено ли, что уже на пятой странице эта «яркость» начинает ощущаться, как «тусклость», а на шестой окончательно гаснет*

– Живи да работай – хорошая жизнь! [А. Гайдар. Сказка про военную тайну, Мальчища-Кибальчища и его твердое слово. 1935].

За счет «оптимистического» употребления, значение прилагательного *хороший* и наречия *хорошо* в узусе 1920–1930-х годов как будто теряет собственно оценочный компонент. Выхолощенные слова уже не столько оценивают, сколько описывают характеризующиеся объекты:

– Мужичок все говорил и говорил без конца: – Площадь у нас хорошая. И номера хорошие, Селезневские. И народ хороший, помнящий. И все у него было хорошее: и жизнь, и народ [П. Романов. Русская душа. 1920–1928];

– Чем же наша участь плоше? / Ах, и в будущем / И в прошлом / Столько де-вушек хороших / В нашем городе хорошем!.. / <...> / Хорошо, / Что плачет скрипка, / Хо-ро-шо, / Что парень пляшет [И. Уткин. 1927];

– Я живу с мужем и дочкой в городе Горьком. Город большой, хороший, за последнее время выстроили много больших и красивых домов. Но с продовольствием плохо [Письмо домашней хозяйки А.М. Матвеевской В.М. Молотову. 15 ноября 1938];

– Теперь, дорогие товарищи, прошу вас, – вы живете хорошо, у вас и хлеба хватает, и питание хорошее, и жалованье приличное, у вас есть и обувь, и одеть. <...> Вы живете в хорошей жизни. А у меня и моей семьи нет ни обуви, ни одежды, ни хлеба, ни квартиры хорошей. <...> Помогите нам выбраться из нужды на хорошую культурную дорогу, чтобы мы могли жить культурно, по-советски [Заявление колхозника А. Б. Николаева М. И. Калинин. 30 апреля 1934].

Риторическая установка на хорошую жизнь в хорошем мире ярко проявляется в языке лозунгов и агитационных плакатов, для которых характерно общее дискурсивное упрощение, определявшее выбор в пользу универсальной пары *хороший* – *плохой*, а не других оценочных слов: *Хорошо трудиться* – *хлеб уродится*; *Машины* – *хороший уход*; ср. также: *Дашь хорошее, первосортное масло! Таков у нас лозунг дня* [Правда. 1926. 29 мая] (цит. по: Селищев 2003, с. 92)¹⁰.

Поскольку лозунговое «сглаженное слово» (термин Ю. Тынянова) теряет конкретную референцию, слова *хороший* и *хорошо* начинают отсылать к хоть и эмоционально окрашенному, но довольно абстрактному набору ассоциаций. Как пишет Е. Добренко: «Соцреализм, будучи языком власти и массы, не создает своих художественных кодов, но ис-

[К. Чуковский. Литературная газета. 1954. 25 дек.]. Среди примеров языкового экстремизма Д. Вайс приводит, в частности: *небывалый успех*; *всемирно-историческая победа*; *титаническая деятельность КПСС*; *беспощадная борьба*; *беззаветная преданность*; *действенные шаги*; *твердое и последовательное проведение в жизнь*; *полное и безоговорочное присоединение*; *неуклонный прогресс*; *незыблемая основа*; *величайшее благо*; *глубочайшая благодарность*; *целиком и полностью* и т. д. (Вайс 2007, с. 37).

¹⁰ В связи с языком лозунгов стоит также упомянуть употребление прилагательного *хороший* в стихах В. В. Маяковского, чей поэтический язык часто повторяет риторический тон агитационных текстов и «пронизан стихией устного, и притом преимущественно громкого устного слова» (Винокур 1943, с. 111): *А мне / в действительности / единственное надо — чтоб больше поэтов / хороших / и разных* [В. Маяковский. 1926]; *Громоздите за звуком звук вы / и вперед, / поя и свища. / Есть еще хорошие буквы: / Эр, / Ша, / Ща* [В. Маяковский. 1918].

пользует уже наработанные культурой... как замечает С. Зимовец... “наиболее действенные и ‘физиологически’ простые, ближе всего стоящие к бессознательному опыту массы, врожденные ей как способы ее автоматического бытия”» (Добренко 2000а, с. 32). Обращение к простым и порой даже примитивным категориям способствует тому, что одной из самых частых сфер употребления оптимистично-выхолощенного прилагательного *хороший* становится детская литература, воспитательная программа которой легко оперирует упрощенными категориями правильного и неправильного, хорошего и плохого:

- В оконном стекле отражаясь, / по миру идет не спеша / хорошая девочка Лида / Да чем же она хороша? [Я. Смеляков. 1941];
- Уронили мишку на пол, / Оторвали мишке лапу. / Все равно его не брошу – / Потому что он хороший [А. Барто]¹¹;
- Негритенок Самми / (Знаете вы сами) / Далеко живет. / Мальчик он хороший, / Но черней галоши / У него живот [Е. Тарасовская].

В детском тексте, инфантильность и «детскость» соцреализма, связанные с общей редукцией языка, оказываются хотя бы частично оправданны. В поле детской литературы такое упрощение, по словам М. Чудаковой, было если не ожидаемо, то как минимум частично жанрово мотивировано (2001, с. 347). Ярким примером регулярного употребления слова *хороший* в этом контексте могут служить произведения А. Гайдара:

- Вася вспомнил, как уверенно говорил отец о том, что жизнь будет хорошая. Он еще крепче укутался в полушубок, закрыл глаза, подумал: «А какая она будет хорошая?» – и почему-то вспомнил плакат, который висел в красном уголке. Большой, смелый красноармеец стоит у столба и, сжимая замечательную винтовку, зорко смотрит вперед (Гайдар 1972, с. 66);
- А может быть, – думал я, – дядя мой совсем и не жулик. <...> Он увидел хорошего мальчика (это меня), который тоже одинок, и взял меня с собою, чтобы поставить на хорошую жизнь. Конечно, хорошая жизнь так, как у нас началась в вагоне, не начинается... Но... (Судьба барабанщика) (Там же, с. 377);
- А жизнь, товарищи... была совсем хорошая! (финал рассказа «Голубая чашка») (Там же, с. 298).

3. Хороший человек

Новые советские реалии требовали не только переоценки окружающего мира, но и новой субъективации, а значит, и изменений в представлении о *хорошем человеке*, живущем в *хорошей стране*, которым обязательно станет каждый *хороший мальчик* и *хорошая девочка*. Традиционного набора качеств *хорошего человека* (добродетельный, сострадающий,

¹¹ Ср. также употребление в детском дискурсе наречия *хорошо*: Крошка сын / к отцу пришел, / и спросила кроха: / – Что такое / хорошо / и что такое / плохо? [В. Маяковский]; Идем мы, октябрята, / Сегодня дружно в ряд. / Как хорошо сегодня, / Седьмого Ноября [М. Заблудовский. 1925], см. также более позднее каноничное: Как хорошо уметь читать! [В. Берестов].

стремящийся к добру) для новой жизни оказывалось недостаточно. В фильме «Ленин в 1918 году» первый председатель Совета народных комиссаров РСФСР сам терпеливо объясняет это сентиментальному Горькому:

– Алексей Максимович настроен мрачно. – Владимир Ильич, – обращается он к Ленину, – арестован профессор Баташев. Это хороший человек. – Что значит «хороший человек»? – хмурясь, спрашивает Ленин. – А какова у него политическая линия? – Баташев прятал наших. – А, может быть, он вообще добренький? Раньше прятал наших, а теперь прячет наших врагов? <...> Ленин знает и убежден, что революция должна быть непреклонна, беспощадна к врагам, что малейшее проявление жалости грозит ей гибелью. Горький опутан цепями жалости [Пересказ фильма «Ленин в 1918 г.». Красная звезда. 1939. 3 марта].

Было бы логично предположить, что с появлением дополнительных требований, предъявляемых к советскому человеку (*идейность, верность партии*), расширится и семантическое содержание слова *хороший*, однако этого не происходило. Напротив, представление о *хорошем человеке* (к которому часто присоединяется и представление о *хорошем профессионале*) последовательно отдалается и даже отчасти противопоставляется представлениям о *хорошем (партийном, идейном) советском человеке*, для выражения которых обычно использовалось сочетание *хороший коммунист*¹²:

– Никто не сказал о комиссаре как о большевике, все говорили *хороший он или плохой летчик* и волей-неволей получается, что у нас комиссара неправильно нацеливают. Функции комиссара не только в том, чтобы он был *хороший летчик*, а в том, чтобы он был *настоящим большевиком, воспитателем* [Протокольная запись заседания ГВС РККА. 16–17 мая 1939];

– Бывают случаи, что рекомендации (для вступления в ВКП(б). – К. К.) пишутся наспех, ... без твердого знания человека, не отражают действительное лицо вступающего в партию. Из такой рекомендации можно заключить лишь, что рекомендуемый товарищ – «хороший человек», «добросовестный работник». А мало ли у нас в стране хороших людей, добросовестных работников? Одной добросовестности совершенно недостаточно для того, чтобы быть членом *большевистской партии* <...>. Вот, например, тов. Маскин пишет в своей рекомендации: «Тов. Болотских работал шофером, к работе относился хорошо, порученную работу по отправке груза выполнял быстро и аккуратно». Вот и все. Здесь не сказано ни единого слова о политическом лице товарища, о том, какое он участие принимает в общественно-политической работе, достаточно ли он выдержан, устойчив [Красная звезда. 1940. 25 авг.].

Показательно, что в толковых словарях, написанных в советскую эпоху, в большинстве выделяемых значений прилагательного *хороший* в качестве иллюстраций приводятся примеры из советской литературы,

¹² Как пишут Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, использование неповторяющихся рядов лексических единиц при разговоре о «своем» и «чужом» было принципиально для языка советской пропаганды, поскольку соответствовало ключевому положению советской идеологии, согласно которому даже внешне сходные явления в коммунистических странах и в странах Запада имеют совершенно разную природу (Булыгина, Шмелев 1997, с. 461; Шмелев 2012, с. 539).

тогда как в значениях, описывающих этическую положительную оценку человека, иллюстрации ограничиваются примерами из XIX века. Так, в словаре Ушакова значение 'вполне достойный, приличный' иллюстрируется только примером из Некрасова (*Знайте, люди хорошего тона, что я сам обожаю балет*) (Ушаков 1940, с. 1179), в Словаре современного русского литературного языка (БАС) в значении 'благородный, приличный, порядочный' — иллюстрации из Пушкина и Достоевского, а в значении 'опытный, искусный в своем деле' — пример из текста советского писателя Сергея Голубова (БАС, с. 398—400), в Словаре русского языка под ред. А.П. Евгеньевой (МАС) в значении 'обладающий положительными моральными качествами (о человеке)' приводятся иллюстрации из Чехова и Горького, а в значении 'образцово выполняющий свои обязанности, обязательства' — примеры из текстов Катаева и Маяковского (МАС, с. 621).

Отделение *хорошего человека* от *хорошего советского человека* в жизни и на бумаге происходило во многом потому, что опора на собственные этические принципы и способность принимать решения — качества, характерные для хорошего человека, — зачастую шли вразрез с ожиданиями партии. В новом мире предполагалось возникновение нового типа личности — коллективиста — самостоятельность которого ограничивалась бы способностью ориентироваться и действовать в рамках предзаданной советской системы власти¹³:

— Кто соображения личной дружбы ставит над дружбой коллективной, которая ведет к принципиальной, объединяющей всех нас дружбе, тот не большевик [Андре Марти] (Штудер, Унффрид 2011, с. 230);

— Коммунизм не падает с неба, не рождается из головы или из желания хороших людей, а строится победоносными рабочими из фабрик, полей, которые не знают засухи [Из Манифеста ко всем комсомольцам, ко всей рабочей и крестьянской молодежи 1924].

Человек, способный критически подходить к директивам, становился помехой, которую необходимо устранить. Но если осуждать за недостаточную советскость людей недобродетельных, корыстных, злых и нечестных — одним словом, плохих — скорее легко¹⁴, то осудить не

¹³ Такое советское понимание *человека* близко к представлениям о природе личности К. Маркса, который считал, что человеческая сущность — лишь точка пересечения социальных отношений, а не нечто абстрактное и присущее каждому индивиду (*das menschliche Wesen ist kein dem einzelnen Individuum inwohnendes Abstraktum. In seiner Wirklichkeit ist es das Ensemble der gesellschaftlichen Verhältnisse*) (Marx 2022, S. 28).

¹⁴ См., однако, размышления В. Набокова о преимуществах Остапа Бендера как несоветского героя: «Ильф и Петров, два замечательно одаренных писателя, решили, что если сделать героем проходимца, то никакие его приключения не смогут подвергнуться политической критике, поскольку жулик, уголовник, сумасшедший и вообще любой персонаж, стоящий вне советского общества... не может быть обвинен в том, что он недостаточно хороший коммунист или даже просто плохой коммунист» (Nabokov 1981, p. 87; перевод Ю.К. Щеглова, цит. по: Щеглов 1990, с. 37).

вписывающегося в советскую систему человека, для которого характерны традиционные положительные качества и который в глазах общества является *хорошим человеком* — гораздо сложнее:

— Для того, чтобы спасти транспорт, придется, может быть... арестовывать товарищей... поэтому мы... не должны увлекаться тем, что вот тот — негодяй, а этот — хороший человек. Мы должны смотреть на него с точки зрения рабоче-крестьянской власти [Выступление Ф. Э. Дзержинского на пленарном заседании 4-й конференции губернских транспортных и особых отделов ЧК. 1920].

Разрешить это этическое противоречие можно, поставив в системе ценностей советскость выше положительности и утвердив представление о том, что, проявив недальновидность, даже самый *хороший человек* может быть обманут и втянут в нехорошее (= антисоветское). «В идейном мире времени террора “враг” постоянно изменяет свой облик, он проскальзывает в идентичность нестойких людей. За маской кого бы то ни было потенциально скрывалась физиономия “врага”» (Штудер, Унффрид 2011, с. 146). А значит, *надежность* и *бдительность* символически оказываются гораздо важнее изначальной *положительности*. Замечательной иллюстрацией такой иерархии является приводимый Ш. Фицпатрик пример, когда «партком отклонил просьбу жены заставить мужа платить алименты, мотивируя свое решение тем, что муж — хороший человек, коммунист, красноармеец запаса и пилот-любитель» (Фицпатрик 2008, с. 175).

Показательны также результаты, полученные советскими лингвистами при исследовании лексики красноармейцев конца 1920-х годов. Опросы солдат показывают, что слово *моральный* было знакомо немногим¹⁵. Показатель верного определения значения этого понятия (опрашиваемым было предложено выбрать из вариантов *бессовестный, грязный, морской, честный*) — меньше 50 %. В другом эксперименте, когда опрашиваемым самим предлагалось описать значение этого слова, 8 % опрошенных сочли, что *моральный* это *честный*, а 5 % считали *морального богатым*. Большинство опрошенных не могли описать значение этого слова (Шпильерейн, Рейтынбарг, Нецкий 1928, с. 101, 133).

Сделать хорошим коммунистом *морального, хорошего, но не советского* человека, труднее, чем исправить *плохого коммуниста*, поскольку когда речь идет о *плохом* (недостаточно хорошем), но партийном человеке, сделать его *хорошим* помогали эффективные инструменты коллективного воспитания — проработки, чистки и всевозможная «обработка человеческого материала» — выражение из доклада Н. Бухарина «О работе среди молодежи» на XIII съезде РКП(б) в 1924 году¹⁶:

¹⁵ Возможно, дополнительным фактором, затрудняющим освоение этого слова, могла служить его история попадания в язык. См. о заимствованиях советской эпохи: (Селищев 1928, с. 28—36).

¹⁶ «Нам нужно заботиться и о том, чтобы надлежащим образом была поставлена обработка человеческого материала для того, чтобы подготовить наших средних функционеров, строящих социалистическое общество» (Тринадцатый съезд... 1963, с. 511).

— Тов. Резников систематически получал несколько взысканий от нач[альни-ка] управления, строгий выговор с предупреждением от обкома КП(б)У, разошелся с женой, с которой прожил 15 лет, связался с женщиной сомнительного поведения, имеет много недостатков в работе, а мы ему не помогаем, а ждем, когда он дока-тится до того, что нужно будет исключать из партии, нужно серьезно помочь товарищу, пока не поздно [Из протокола закрытого партсобрании сотрудников УГБ УНКВД по Днепропетровской области об обсуждении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 г. 9—10 января 1939];

— Условия военно-топографических работ весьма затрудняют перевоспита-ние и исправление плохого состава красноармейцев [Красная звезда. 1930. 4 нояб.].

Превращение *плохого* в *хорошее* при помощи очистки и обработки удивительным образом сближает это новое советское употребление прилагательного *хороший* с его этимологическим значением. Изначаль-ная семантика корня **hor-* — ‘грубый’, ‘темный’, ‘шершавый’,¹⁷ семан-тическое развитие прилагательного *хороший*, восходящего к этому кор-ню, можно условно представить как: ‘природный’ (необработанный) > ‘обработанный, очищенный’ > ‘соответствующий положительной оценке’. Однако считать *хорошим* только *изначально советское* и *сделанное советским*, вовсе отрицая ценность этических добродетелей, все же бы-ло невозможно — слишком уж устойчиво было и остается представле-ние о хороших людях, согласно которому под *хорошим* и *человеческим* в личности в первую очередь понимается способность делать добро и отсутствие эгоизма.

Поступать с *хорошим несоветским человеком* так же, как с *нехорошим советским*, то есть подвергать его обработке, было нельзя, поскольку трудно себе представить обработку *хорошего*, но *несоветского* человека без его собственного желания меняться. В такой ситуации антисовет-ской положительности должно было быть противопоставлено что-то соизмеримое, но при этом советское¹⁸. Подобной промежуточной кате-

¹⁷ Можно обратить внимание на существование большого количества произ-водных слов с корнем **hor-*, имеющих значение ‘очищать, обрабатывать’: *полес. хорошит* ‘лущить, чистить’, *белор. харошыць* ‘чистить’, *хорошіть* ‘очищать ово-щи от листьев и корешков’; *белор. диал. хорошыты* ‘чистить рыбу, морковь, картошку’ (ЭССЯ, с. 81, 83). См. также н.-луж. диал. *chorrawu* ‘неровный’, *болг. храпавый* ‘ухабистый’ (Там же, с. 82—83). Эти слова со значением обработки и очистки позволяют предположить, что значение корня **hor-* было связано с представлениями о природности и изначальноном состоянии объекта — грубом, шершавом, необработанном, неочищенном.

¹⁸ Недостаток подобной промежуточной категории хорошо виден в цитате из мемуарных записей Д. Самойлова: *Когда приходит ко мне человек, я... сбиваюсь на домашние оценки и говорю: «Хороший малый. Он не лжет, не крадет, не бранится, не сделает мне пакости, не обманывает жену, подает нищим, пишет диссертацию о Ра-сине, потому что не может писать о Софронове. «Хороший малый». А на самом деле: кой черт его чистота, если он белоручка, если он пальцем не шевельнет для своих убеждений, если он отрывается от работы для народа, если он ищет легчайшего пути!* [Д. Самойлов. Поденные записи. 1948].

горией между *хорошим человеком* и *хорошим коммунистом* стало обозначение *настоящий человек* — одновременно добродетельный и советский:

— Милюков прежде всего хорош и глубок как *настоящий человек* и *настоящий комсомолец* [П. Филонов. Дневник. 1930—1939];

— «*Настоящий человек на настоящем месте*» [Красная звезда. 1927. 17 июня];

— Никто не заставляет делать паровозы из старых ведер или консервы из картофельной шелухи. А я должен сделать не паровоз и не консервы, а *настоящего советского человека*. Из чего? [А. Макаренко. 1935];

— Передо мной гражданин нашей страны в подлинном смысле этого слова, со всеми его отличительными особенностями мужеством, простотой, зоркостью, чуткостью и искренней добротой. Это характерные черты кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР товарища Майорова. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что он — *настоящий, стойкий коммунист* [Вечерняя Москва. 1938. 9 июня].

Прилагательное *настоящий*, в отличие от прилагательного *хороший*, имеет более однозначную шкалу оценки — *настоящий* 'соответствующий представлениям о том, каким должен быть подобный объект' vs не *настоящий* 'не соответствующий представлениям о том, каким должен быть подобный объект' (ср. дробную оценочную шкалу *хорошего*: *хороший, неплохой, нехороший, плохой*). За счет этой большей однозначности и более прямой связи с представлениями о норме прилагательное *нормальный* обычно обозначает в советском языке или соответствие норме (*настоящий 'такой, каким должен быть каждый'*): *Настоящих людей взрастили / Нашей партии свет и тепло! / Комсомол / молодежной силе — / Превосходное русло!* [А. Безыменский. 1923] или сильное превосходство над нормой (*настоящий 'такой, которым в прекрасном мире будущего должен быть каждый'*): «*Повесть о настоящем человеке*»¹⁹; ср. также: *Все летчики любили Чкалова, О нем говорили так: «Это настоящий человек, наш парень»* [Вечерняя Москва. 1938. 17 дек.].

Несмотря на тенденцию заменить *хорошего человека*, на *настоящего*, прилагательное *хороший* активно использовалась для характеристики советских коммунистов. В таких контекстах значение этого прилагательного сводится к маркеру соответствия идеологической норме — 'такой, который соответствует принципам и требованиям социалистического мира':

— Преподавателями истории партии нужно выделить лучших большевиков, надежных, устойчивых, теоретически стойких и образованных. Никакой кон-

¹⁹ Однако в 1940-е годы стремление к самому хорошему: *Это была та самая встреча с Ч., когда он подарил мне свой портрет с надписью: «Если быть — так быть лучшим»* [В. Каверин], сменяется самовосприятием, основанном на идее *среднего, простого и нейтрального* и возникающим в результате формирования и тиражирования представлений о норме: *Я такой же, как все. / Я не лучше, не хуже* [К. Симонов]; *Я как все, не хуже, не лучше* [А. Баркова]; *Быть может, юность дней моих, / стянув ремень рабочий ту же, / была не лучше всех других, / но уж, конечно, и не хуже* [Я. Смеляков].

троль не поможет, если не обеспечено главное — хороший, идейно крепкий состав лекторов, преподавателей, руководителей [Правда. 1935. 7 марта (передовая «Глубже изучать историю партии!»)];

— Есть целые села, где сознательно патент для торговли вином Е[диное]П[отребительское]О[бщество] не берет по желанию населения. Так вот, по-моему, этот клин должен быть вышиблен: <...> [п]осылкой хороших, выдержанных, стойких коммунистов. Сейчас, особенно секретаря ячейки и райпарткомов, предов одолевают (sic!) за кампанию выпить. А хороших послать надо, их хорошо обязательно материально обеспечить [Письмо М. Наумова И. В. Сталину. 1926];

— Тов. Филиппе — член ЦК играл и продолжает играть очень значительную роль в негритянской работе, среди молодежи и партии. Он способный и хороший товарищ, из которого может выйти хороший руководитель негритянских рабочих [Из информационного письма руководителей Союзов молодежи США в Исполком коммунистического интернационала молодежи. 1925].

4. Качества материала и «материальные» качества

Помимо прилагательного *хороший*, выражающего наиболее общую положительную оценку, для характеристики правильного советского человека также часто использовались и другие — *твердый, крепкий, стойкий, негибкий и надежный*. Все они описывали такого коммуниста, для которого характерна большая степень коммунистичности, сохраняющаяся несмотря на воздействие внешних факторов и окружающую его враждебную стихию²⁰, то есть человека практически механического:

— Он *твердый коммунист* [Докладная записка Е. Г. Евдокимова И. В. Сталину от 18 января 1933];

— В партии его считали *крепким коммунистом* [В. Зазубрин. Горы. 1934];

— Васеев растаскивать колхоз не дает, бросились на Васеева, хотели изжить Васеева, но *стойкий коммунист отбросил далеко негодаев* [Письмо в редакцию «Крестьянской газеты». Конец 1938];

— Во главе политического бюро должен стоять *уездный начальник милиции, обязательно надежный коммунист, не менее чем с двухгодичным партийным стажем* [Из циркулярного письма ВЧК и НКВД РСФСР губернским отделам управления Советов от 15 февраля 1920].

Совсем другое значение слова *крепкий, стойкий, твердый и надежный* имеют в сочетании со словом *человек*. Все они характеризуют человека как 'такой, который, несмотря на воздействие внешних факторов, сохраняет собственное мировоззрение и принципы'. В отличие от *крепкого (стойкого, твердого, надежного) коммуниста*, который максимально де-субъективизирован и механичен, характеризуемая таким образом индивидуальная личность очень субъектна:

²⁰ См. толкование слова *крепкий* и в особенности лексемы *крепкий*, написанное Т. В. Крыловой для Активного словаря русского языка: 'Такой, который характеризуется большой интенсивностью или степенью и сохраняется, несмотря на воздействие внешних факторов' (АС 2024, с. 537).

— [Председателя местного отделения чрезвычайной комиссии Орлова характеризует следователь Туманович] *Вы хорошо говорите, господин Орлов! <...> И вы очень твердый человек. Я чувствую в вас подлинный огонь и огромную внутреннюю силу. С точки зрения моих убеждений вы заслужили смерть. Думаю, вы сказали бы мне то же, если бы я был в ваших руках* [Б. Лавренев. 1924];

— *Благородными металлами называют те из них, которые почти или совсем не окисляются. Ты заметь это, Клим. Благородные, духовно стойкие люди тоже не окисляются, то есть не поддаются ударам судьбы, несчастиям и вообще...* [М. Горький. 1925];

— *Я требовал воспитания закаленного, крепкого человека, могущего проделывать и неприятную работу и скучную работу, если она вызывается интересами коллектива* [А. Макаренко. 1933].

Особенно интересно употребление в качестве человеческой характеристики прилагательного *прочный*, часто описывающего личность, но, в отличие от *твердого* и *крепкого*, не выступающего эпитетом для коммуниста. Характеризуя человека, это прилагательное означало 'такой человек, какая-либо из сфер жизни которого (психика, физическое здоровье, экономическое положение, быт) устроена надежно и хорошо'²¹:

— *Я вспомнил, как он (А. Блок. — К. К.) загорал, благотно, как загорают очень спокойные и прочные люди, какое у него было — при кажущейся окаменелости — восприимчивое и подвижное лицо* [К. Чуковский. 1921];

— *Продолжается самопоедание ком(м)унистов и выдвигание новых людей без традиций, желающих власти и земных для себя благ — среди них не видно прочных людей* [В. Вернадский. 1938];

— *Границы этой биологической прослойки (людей, склонных к самоубийству. — К. К.) расширяются. В отчаяние приходят и люди более прочные* [А. Луначарский. 1927].

В советскую эпоху прилагательное *прочный* описывает далеко не только людей и утилитарные материальные объекты (*прочный мир <союз>; прочный фундамент; прочный авторитет*), оно становится практически универсальной характеристикой:

— *Советская власть — вещь прочная. Рабочие и крестьяне создали ее не на год и не на десять лет!* [Советское искусство. 1939. 22 янв.];

— *Установив прочный национальный мир как залог несокрушимости Советской власти в Закавказье... мы выражаем твердую уверенность в том, что под испытанным и умелым Вашим руководством и под знаменами Коминтерна мы добьемся здесь, в преддверии Востока, могучего укрепления Советской власти* [Бакинский рабочий. 1922. 13 дек.];

— *Новые учебные планы (1937 г.) дают также недостаточное количество часов для прочного усвоения русского языка учащимися национальных школ (ЦК ВКП(б)... 2009, с. 323).*

²¹ В советском языке в сочетании со словом *человек*, это прилагательное сохраняло нормы употребления XIX века: *Она нашла прочного человека, способного подержать ее. Он ее любит, просит ее руки, соглашается сразу на то, чтобы она была актрисой* [П. Боборыкин. 1882]; *Вообще говоря, и это глубоко отрадно, на Нижегородской ярмарке было много цельных, прочных русских людей; уметь заметить этих скромных, бесшумно работающих — половина сделанного дела* [К. Случевский. 1897].

Идея *надежности* и *прочности* всего вокруг выражалась в советском языке и другими рассмотренными выше прилагательными (*стойкий, надежный* и в особенности *крепкий* и *твердый*): *крепкий фундамент, крепкие [твердые] убеждения, твердый план, твердые знания, твердый (фиксированный) список лиц: Экзаменующиеся не распределены по экзаменаторам твердыми списками, как это было на уголовном праве; каждый волен выбирать себе экзаменатора* [Н. Устрялов. 1932]; *Поручить наркомам установить твердый список лиц, имеющих право знакомиться с решениями ЦК* [Постановление Политбюро по предложению Сталина. 8 апреля 1932. Протокол №95].

Советская метафорика, наполненная «металлическими» и «твердыми» названиями и понятиями (*железный занавес, перековка, Молотов, Каменев, Сталин*), легко включает в себя и рассмотренные выше характеристики *твердый, прочный, железный, крепкий, стойкий*. Характеризуя людей и другие типы объектов, эти прилагательные развивают образный потенциал металла, железа и бетона — новых материалов, заменивших в XX веке камень, — и логично встраиваются в общую тенденцию к «металлизации», которая в общих чертах может быть осмыслена как очередное «затвердевание культуры» (Паперный 1996). Неудивительно, что в такой затвердевающей системе *хороший коммунист* — это коммунист *крепкий, твердый, надежный и прочный*. Именно такими должны быть «люди-винтики» — материал, нужный на большой советской стройке, который куется, перековывается, а потом сдается в утиль. Главная роль человека — быть работником, совершать необходимые механизированные действия, а механическую работу, как отмечает Л. Мамфорд в своей книге о влиянии техники на развитие человечества, может выполнять только машина. «Личность рабочих, пока они были заняты трудом, как бы сводилась исключительно к рефлексам, чтобы обеспечивать механически совершенное исполнение» (Мамфорд 2001, с. 260)²².

Стремясь к технологическому прорыву и индустриализации, советская система переносила эти тенденции и на язык, поэтому характеристики, основанные на метафорическом осмыслении названий металлов, становились практически эмблематическими и хорошо подходили для выражения идеи *настоящего советского*. К ним можно отнести не только сочетания типа *крепкий (твердый) коммунист*, но выражения вроде *железная воля (рука)* или *стальные нервы*. Технические характеристики материалов, выступая как характеристики человека, описывали не только устойчивость его идеологической позиции, но и способность выдерживать нагрузки, работать без «сбоев», создавая особый идеологический образ советского субъекта, основанный на представлениях о прочности, стойкости и надежности и позволяющий увидеть, как качества «материала» превращаются в «материальные» качества человека.

²² Усиленной механизации человеческого тела также способствовала война, которая «начинает превращать в реальность металлизацию человеческого тела, бывшую до того предметом мечты» (Беньямин 1996, с. 63).

5. Заключение

В статье осуществлена попытка показать, как семантическая эволюция слов *хороший* и *плохой* отражает важнейшие идеологические установки раннесоветской эпохи. Прилагательное *хороший* заняло центральное место в советском дискурсе благодаря своей универсальности и эмоциональной окраске, подходящей для выражения оптимизма и веры в социалистическое будущее. В этом контексте *хороший* становится не просто оценкой, а своего рода инструментом идеологического воздействия. Однако такая универсализация значения прилагательного *хороший* привела к его семантическому упрощению. В раннесоветской риторике оно часто утрачивает свою первоначальную функцию оценки, превращаясь в инструмент пропаганды, который подчеркивает положительные стороны окружающей действительности и скрывает внутренние противоречия. Более того, употребление *хорошего* в советских текстах нередко подразумевало не объективную характеристику, а нормативную установку: *хорошим* должно быть все, что связано с социалистическим проектом, а *плохое* либо изгоняется за пределы советского мира, либо подлежит исправлению.

Одновременно с этим *хороший человек* уступает место идеалу *настоящего человека*, который сочетает традиционные этические качества с социалистической идеологией. Особый интерес представляет противопоставление *хорошего человека* и *хорошего коммуниста*. Если первый остается носителем традиционных моральных качеств (доброты, честности, порядочности), то второй обретает новое содержание, связанное с идеологической лояльностью, дисциплиной и преданностью партии. Эта подмена ценностных ориентиров отражает глубокую трансформацию общества, где личные качества перестают быть самостоятельной основой для положительной оценки. Таким образом, понятие *хороший человек* отходит на второй план, уступая место новым категориям, таким как *настоящий человек* или *стойкий коммунист*, которые объединяют в себе личностные и идеологические характеристики.

Мы видим, как язык становится инструментом «перековки» не только людей, но и представлений о нормах и ценностях. *Хороший* в советском дискурсе символизирует не только позитивную оценку, но и соответствие новым социальным стандартам. Это отражается в текстах различной направленности — от лозунгов и официальных документов до детской литературы, где через упрощенные схемы *хорошего* и *плохого* воспитывается новое поколение советских граждан. Таким образом, анализ изменений в семантике *хорошего* и *плохого* показывает, как язык становится зеркалом идеологии, а также активным инструментом формирования нового типа личности. Эти наблюдения дают возможность глубже понять не только специфику советской языковой политики, но и более общие механизмы взаимодействия языка, общества и власти.

Благодарности. Автор благодарит Елизавету Эдуардовну Бабаеву, многократно читавшую и обсуждавшую эту работу.

Список литературы

Беньямин, В., 1996. *Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе*. Пер. с нем. С.А. Ромашко. М. [Benjamin, W., 1996. *Proizvedenie iskusstva v epokhu ego tekhnicheskoi vosproizvodimosti. Izbrannye esse* [A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays]. Translated by S. A. Romashko. Moscow (in Russ.)].

Булыгина, Т.В., Шмелев, А.Д., 1997. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. М. [Bulygina, T. V. and Shmelev, A. D., 1997. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow (in Russ.)].

Вайс, Д., 2007. Сталинистский и национал-социалистический дискурсы пропаганды: сравнение в первом приближении. *Политическая лингвистика*, 23, с. 34 — 60. [Weiss, D., 2007. Stalinist vs. Fascist Propaganda: How much do they have in common? *Political Linguistics*, 23, с. 34 — 60 (in Russ.)] EDN: JVMQVP.

Винокур, Г.О., 1925. *Культура языка*. М. [Vinokur, G. O., 1925. *Kul'tura yazyka* [Language culture]. Moscow (in Russ.)].

Винокур, Г.О., 1943. *Маяковский новатор языка*. М. [Vinokur, G. O., 1943. *Mayakovskii novator yazyka* [Mayakovsky is an innovator of language]. Moscow (in Russ.)].

Гройс, Б., 1993. *Утопия и обмен*. М. [Groys, B., 1993. *Utopiya i obmen* [Utopia and exchange]. Moscow (in Russ.)].

Гюнтер, Х., 2000. Соцреализм и утопическое мышление. *Соцреалистический канон*. Х. Гюнтер, Е. Добренко, ред. СПб., с. 41 — 48. [Gunther, H., 2000. Socialist realism and utopian thinking. In: H. Gunther and E. Dobrenko, eds. *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realism canon]. St. Petersburg, pp. 41 — 48 (in Russ.)].

Добренко, Е., 1999. *Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры*. СПб. [Dobrenko, E., 1999. *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [The shaping of a Soviet writer. The social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. St. Petersburg (in Russ.)].

Добренко, Е., 2000а. Соцреализм и мир детства. *Соцреалистический канон*. Х. Гюнтер, Е. Добренко, ред. СПб., с. 31 — 40. [Dobrenko, E., 2000a. Social realism and the world of childhood. In: H. Gunther and E. Dobrenko, eds. *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realism canon]. St. Petersburg, pp. 31 — 40 (in Russ.)].

Добренко, Е., 2000б. Соцреалистический мимесис, или «жизнь в ее революционном развитии». *Соцреалистический канон*. Х. Гюнтер, Е. Добренко, ред. СПб., с. 459 — 471. [Dobrenko, E., 2000b. Socialist realist mimesis, or "life in its revolutionary development". In: H. Gunther and E. Dobrenko, eds. *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realism canon]. St. Petersburg, pp. 459 — 471 (in Russ.)].

Земцов, И.Г., 1985. *Советский политический язык*. Лондон. [Zemtsov, I. G., 1985. *Sovetskii politicheskii yazyk* [Soviet political language]. London (in Russ.)].

Карцевский, С.И., 1923. *Язык, война и революция*. Берлин. [Kartsevsky, S. I., 1923. *Yazyk, voyna i revolyutsiya* [Language, war, and revolution]. Berlin (in Russ.)].

Мамфорд, Л., 2001. *Миф машины. Техника и развитие человечества*. Пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М. [Mumford, L., 2001. *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The myth of the machine. Technology and the development of mankind]. Translated by T. Azarkovich and B. Skuratova. Moscow (in Russ.)].

Мартин, Т., 2011. *Империя «положительной деятельности»: нации и национализм в СССР, 1923 — 1939*. Пер. с англ. О.Р. Щелокова. М. [Martin, T., 2011. *Imperiya*

«polozhitel'noi deyatel'nosti»: *natsii i natsionalizm v SSSR, 1923 – 1939* [The Empire of “positive activity”: nations and nationalism in the USSR, 1923 – 1939]. Translated by O. R. Shchelokova. Moscow (in Russ.).]

Мокиенко, В. М., Никитина, Т. Г., 1998. *Толковый словарь языка Совдепии*. СПб. [Mokienko, V. M. and Nikitina, T. G., 1998. *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory dictionary of the Soviet language]. St. Petersburg (in Russ.).]

Ожегов, С. И., 1974. *Лексикология. Лексикография. Культура речи*. М. [Ozhegov, S. I., 1974. *Leksikologiya. Leksikografiya. Kul'tura rechi* [Lexicology. Lexicography. Culture of speech]. Moscow (in Russ.).]

Паперный, В., 1996. *Культура Два*. М. [Paperny, V., 1996. *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow (in Russ.).]

Постоутенко, К., 2000. Исторический оптимизм как модус сталинской культуры. *Соцреалистический канон*. Х. Гюнтер, Е. Добренко, ред. СПб., с. 481 – 491. [Postoutenko, K., 2000. Historical optimism as a mode of Stalinist culture. In: H. Gunther and E. Dobrenko, eds. *Sotsrealisticheskii kanon* [The Socialist Realism canon]. St. Petersburg, pp. 481 – 491 (in Russ.).]

Селищев, А. М., 1928. *Язык революционной эпохи: из наблюдений над русским языком последних лет (1917 – 1926)*. М. [Selishchev, A. M., 1928. *Yazyk revolyutsionnoi epokhi: iz nablyudenii nad russkim yazykom poslednikh let (1917 – 1926)* [The language of the revolutionary era: from observations on the Russian language of recent years (1917 – 1926)]. Moscow (in Russ.).]

Селищев, А. М., 2003. *Труды по русскому языку*. Т. 1: Язык и общество. М. [Selishchev, A. M., 2003. *Trudy po russkomu yazyku* [Works on the Russian language]. Vol. 1: Language and Society. Moscow (in Russ.).]

Ушаков, Д. Н., ред., 1940. *Толковый словарь русского языка: в 4 т.* Т. 4: С – Ящурный. Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и др., сост. М. [Ushakov, D. N., ed., 1940. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Vol. 4: S – Yashchurnyi. Moscow (in Russ.).]

Фицпатрик, Ш., 2008. *Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город*. Пер. с англ. Л. Ю. Пантина. 2-е изд. М. [Fitzpatrick, Sh., 2008. *Povsednevnyi stalinizm. Sotsial'naya istoriya Sovetskoi Rossii v 30-e gody: gorod* [Everyday Stalinism. The social history of Soviet Russia in 1930s: a city]. Translated by L. Y. Pantina. 2nd ed. Moscow (in Russ.).]

Чудакова, М. О., 2001. *Избранные работы*. Т. 1: Литература советского прошлого. М. [Chudakova, M. O., 2001. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Vol. 1: Literature of the Soviet Past. Moscow (in Russ.).]

Шмелев, А. Д., 2012. Эволюция русской языковой картины мира в советскую и постсоветскую эпоху. *Константы и переменные русской языковой картины мира*. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. М., с. 537 – 549. [Shmelev, A. D., 2012. The evolution of the Russian linguistic worldview in the Soviet and post-Soviet era. In: A. A. Zaliznyak, I. B. Levontina and A. D. Shmelev, eds. *Konstanty i peremennye russkoi yazykovoi kartiny mira* [Constants and variables of the Russian linguistic worldview]. Moscow, pp. 537 – 549 (in Russ.).]

Шпильрейн, И., Рейтынбарг, Д., Нецкий, Г., 1928. *Язык красноармейца: Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона*. М.; Л. [Shpilrein, I., Reitynbarg, D. and Netsky, G., 1928. *Yazyk krasnoarmeitsa: Opyt issledovaniya slovary krasnoarmeitsa Moskovskogo garnizona* [The language of the Red Army soldier: The experience of studying the vocabulary of the Red Army soldier of the Moscow garrison]. Moscow; Leningrad (in Russ.).]

Штудер, Б., Унфрид, Б., 2011. *Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг.* Пер. с нем. И. А. Золотарева. М. [Studer, B. and Unfried, B., 2011. *Stalinskie partiinye kadry. Praktika identifikatsii i*

diskursy v Sovetskom Soyuze 1930-kh gg. [Stalinist party cadres. Identification Practice and Discourses in the Soviet Union of the 1930s]. Translated by I. A. Zolotareva. Moscow (in Russ.).

Щеглов, Ю. К., 1990. Романы И. Ильфа и Е. Петрова: Спутник читателя: в 2 т. Т. 1: Введение. Двенадцать стульев. Вена. [Shcheglov, Yu. K., 1990. *Romany I. Il'fa i E. Petrova: Sputnik chitatelya: v 2 t.* [The novels of I. Ilf and E. Petrov: The reader's companion: in 2 volumes]. Vol. 1: Introduction. Twelve chairs. Vienna (in Russ.).]

Щеглов, Ю. К., 2009. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд. СПб. [Shcheglov, Yu. K., 2009. *Romany Il'fa i Petrova: Sputnik chitatelya* [The novels of I. Ilf and E. Petrov: the reader's companion]. 3d ed. St. Petersburg (in Russ.).]

Marx, K., 2022. *Thesen über Feuerbach*. Bonn.

Mazon, A., 1920. *Lexique de la guerre et de la révolution en Russie (1914–1918)*. Paris.

Список источников

АС – Активный словарь русского языка, 2024. Т. 4, ч. 2. Электронные текстовые данные. М. [AS – *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [AS – Active Dictionary of the Russian language], 2024. Vol. 4, part 2. Electronic text data (in Russ.)] <https://doi.org/10.31912/978-5-4439-3806-6>.

БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т., 1965. Т. 17: Х – Я. М.; Л. [BAS – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [BAS – Dictionary of modern Russian literary language: in 17 volumes], 1965. Vol. 17: Kh – Ya. Moscow; Leningrad (in Russ.).]

Гайдар, А., 1972. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. М. [Gaidar, A., 1972. *Sobranie sochinenii: v 4 t.* [Collected works: in 4 volumes]. Vol. 2. Moscow (in Russ.).]

Евгеньева, А. П., ред., 1988. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4: С – Я. 3-е изд. М. [Evgenieva, A. P., ed., 1988. *MAS – Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [MAS – Dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Vol. 4: S – Ya. 3d ed. Moscow (in Russ.).]

Левидов, М., 1927. Простые истины (о читателе; о писателе). Л. [Levidov, M., 1927. *Prostye istiny (o chitatele; o pisatele)* [Simple truths (about the reader; about the writer)]. Leningrad (in Russ.).]

Луначарский, А. В., 1929. Молодая рабочая литература. Речь на собрании комсомольских писателей и поэтов. Искусство и молодежь. М., с. 66–94. [Lunacharsky, A. V., 1929. Young working literature. Speech at a meeting of Komsomol writers and poets. In: *Iskusstvo i molodezh'* [Art and youth]. Moscow, pp. 66–94 (in Russ.).]

Петров, Е., 2001. Мой друг Ильф. М. [Petrov, E., 2001. *Moi drug Il'f* [My friend Ilf]. Moscow (in Russ.).]

Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, 1963. М. [Trinadtsatyi s"ezd RKP(b). *Stenograficheskii otchet* [The Thirteenth Congress of the Russian Communist Party(b). Verbatim report], 1963. Moscow (in Russ.).]

Трубачев, О. Н., ред., 1981. ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8: *ха – *јъвьlga. М. [Trubachev, O. N., ed., 1981. *ESSYa – Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [ESSA – Etymological Dictionary of Slavic Languages. Proto-Slavic lexical fund]. Issue 8: *ха – *јъвьlga. Moscow (in Russ.).]

ЦК ВКП(б) и национальный вопрос, 2009. Кн. 2: 1933–1945. М. [TsK VKP(b) i *national'nyi vopros* [The Central Committee of the CPSU(b) and the National Question], 2009. Book 2: 1933–1945. Moscow (in Russ.).]

Nabokov, V., 1981. *Strong Opinions*. New York.

Об авторе

Ксения Павловна Костомарова, младший научный сотрудник сектора теоретической семантики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

ORCID ID: 0000-0003-0760-4774

E-mail: kostomaa@gmail.com

Для цитирования:

Костомарова К. П. Что такое *хорошо*: к истории оценочных прилагательных в языке раннесоветской эпохи // Слово.ру: балтийский акцент. 2025. Т. 16, № 3. С. 169–188. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-11.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CC BY-NC 4.0 Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed ([HTTPS://CREATIVERCOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))

WHAT IS GOOD: TO THE HISTORY OF EVALUATIVE ADJECTIVES
IN THE LANGUAGE OF THE EARLY SOVIET PERIOD

Ksenia Kostomarova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka St., Moscow, 119019, Russia

Submitted on 10.12.2024

Accepted on 15.04.2025

doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-11

The article is devoted to the semantic evolution of the evaluative adjectives 'horoshii' and 'plohoi' ('good' and 'bad') in the early Soviet language. Through the use of party documents, propaganda slogans, letters to the government and literary texts of the 1920–1930s, the article reveals how these words turned into universal markers reflecting conformity to new social and political standards. The first part of the article analyzes the role of the adjective 'good' as a universal rhetorical tool used to create an optimistic image of socialist reality. This word gradually loses its subjective evaluative value, turning into a standard ideological stamp symbolizing positivity and conformity to socialist norms. The second section discusses the reinterpretation of the concept of a good person and the emergence of the opposition between a good person and a good communist, where the former remains the bearer of personal virtues and the latter – the embodiment of socialist ideals. The concept of a true person is seen as a compromise between these categories. The third section is devoted to the metaphorical concepts of strength, resilience, and reliability, which become central to the description of Soviet man and social structures. These characteristics, formed on the basis of technical metaphors, reflect the industrial and collectivist spirit of the era. The methodology includes discourse analysis and semantic research, which make it possible to examine how language, in shaping normative concepts, becomes a crucial instrument of ideological influence by consolidating socialist values through the semantic transformation of everyday language.

Keywords: soviet lexicon, semantic evolution, ideology, good, bad, discursive change, early Soviet period, language policy

The author

Ksenia Kostomarova, Junior Research Fellow, Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

ORCID ID: 0000-0003-0760-4774

E-mail: kostomaa@gmail.com

To cite this article:

Kostomarova, K.P., 2025, What is *good*: to the history of evaluative adjectives in the language of the early Soviet period, *Slovo.ru: Baltic accent*, Vol. 16, no. 3, pp. 169–188. doi: 10.5922/2225-5346-2025-3-11.

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS Attribution-NonCommercial 4.0 International Deed (CC BY-NC 4.0) LICENSE ([HTTPS://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY-NC/4.0/DEED.RU](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/deed.ru))